

Заключение

Различная природа наркобизнеса как отрасли теневой экономики и вооруженных социально-политических, этнополитических и других конфликтов исключает их полное взаимное слияние и ограничивает рамки их взаимосвязи. Тем не менее такая взаимосвязь существует, особенно в районах расширенного наркопроизводства, где вооруженные конфликты и наркобизнес оказывают влияние друг на друга в сложном взаимодействии с другими социально-экономическими и политическими факторами. В каждом из трех основных районов мирового наркопроизводства, рассмотренных в этой книге, функционирует региональная теневая экономика с центром в зоне затяжного вооруженного конфликта, в отношении которого с большим или меньшим успехом предпринимаются попытки мирного урегулирования.

При этом взаимосвязь наркобизнеса и конфликта гораздо сложнее, чем причинно-следственная связь. Расцвет наркопроизводства или наркотрафика не обязательно ведет к конфликту, а вооруженное противостояние, в свою очередь, не является неременным условием функционирования и подъема наркобизнеса, который может процветать и в относительно мирных и стабильных условиях. В любом случае, речь идет скорее о взаимовлиянии наркобизнеса и конфликта, чем об обусловленности одного другим. Хотя связь наркобизнеса и конфликта носит двусторонний характер, проведенный нами анализ показывает, что роль наркобизнеса в политэкономии конфликта в целом прослеживается более четко, чем влияние конфликта на наркобизнес.

Конечно, наркобизнес и сам может генерировать насилие, в том числе в сугубо мирных условиях: наркопредприниматели имеют вооруженную

охрану, а в районах наркопроизводства и вдоль крупнейших маршрутов наркотрафика нередко располагают частными наемными отрядами и даже «мини-армиями», преступные наркогруппировки могут вести вооруженные «разборки» за контроль над источниками и маршрутами поступления наркотиков и рынками их сбыта, и т. п. Однако это насилие не выходит за рамки криминального и не только не приобретает черты военно-политического конфликта и не достигает его уровня, но и имеет совершенно иную мотивацию. Единственным примером того, как связанное с наркобизнесом криминальное насилие само по себе может стать источником более широкого, хотя и ограниченного вооруженного противостояния, являются трансграничные столкновения между преступными группами, осуществляющими транзит наркотиков, и пограничными силами. Наркотрафик, особенно в пограничных зонах между основными странами-производителями наркотиков и соседними, преимущественно транзитными странами, почти всегда стимулирует приграничную нестабильность (например, вдоль афганско-таджикской и афганско-иранской границ или вдоль границы между Мьянмой и Таиландом).

Если же речь идет о вооруженном конфликте, выходящем за рамки трансграничной нестабильности, например, о полномасштабной гражданской войне или о затяжном этнополитическом противостоянии, будь то непосредственно в районах наркопроизводства (Афганистан) или в странах широко-масштабного транзита наркотиков (Таджикистан), то наркобизнес становится одним из источников финансирования военно-политических группировок, участвующих в конфликте. При этом наркобизнес в полной мере остается отраслью теневой экономики, продолжая подчиняться ее законам, по крайней мере, в не меньшей степени, чем логике и потребностям вооруженного противостояния. Сохраняя свою роль в качестве «профильного» бизнеса криминальных наркогруппировок, наркобизнес становится и важным «ресурсом конфликта». Как один из наиболее доходных видов теневого бизнеса, он не только предоставляет в распоряжение участников военно-политического конфликта стабильный источник финансирования, но и в некоторых случаях дает им возможность перейти на полное финансовое самообеспечение (примером может служить роль наркобизнеса в финансировании ФАРК в Колумбии). Хотя в отдельных случаях нельзя исключать возможности использования наркодоходов как одного из ресурсов конфликта и самим государством (центральным правительством)¹, проблема все же

¹ По некоторым данным, таким примером может служить «перераспределение» бирманской хунтой части доходов от наркобизнеса на цели укрепления государственного силового потенциала, в том числе для борьбы с сепаратистскими этноповстанческими движениями.

в основном сводится к роли наркобизнеса в финансировании негосударственных участников конфликтов, в том числе военно-политических группировок, которые ведут междоусобную войну друг с другом или даже претендуют на роль квазигосударств.

Группировки, участвующие в локальных и локально-региональных конфликтах, как правило, испытывают острую потребность в финансировании и ищут способы обеспечить себя и свое участие в вооруженных действиях — в первую очередь за счет различных видов теневой экономической деятельности. В годы «холодной войны» многие негосударственные вооруженные группировки имели значительные внешние источники финансирования (прежде всего со стороны государств противоборствующих военно-политических блоков), а в сфере теневой экономики предпочитали действовать через криминальных посредников. Однако в конце XX в. структура финансирования этих группировок претерпела существенные изменения. В условиях сокращения зарубежной финансовой и военной помощи повстанческие и другие негосударственные вооруженные группировки не только активизировали свое участие в различных сферах теневой экономики, но и все чаще стали стремиться к ведению криминального бизнеса в обход посредников — организованных преступных группировок — с целью максимизации доходов от нелегальной деятельности.

Наиболее тесная связь наркобизнеса с повстанческими и другими вооруженными группировками сложилась в районах масштабного возделывания наркокультур и наркопроизводства. Ведение классической партизанской войны связано с контролем над определенной территорией — как правило, отдаленными сельскими или горными районами, не контролируемые государственной властью. В наркопроизводящих регионах именно эти районы зачастую используются для возделывания наркокультур. В этих условиях подключение повстанцев к контролю над наркопроизводством — прежде всего путем сбора «налогов» с сельскохозяйственной продукции — практически неизбежно. Теснее всего с наркопроизводством связаны именно те повстанческие движения, которые в той или иной мере продолжают вести традиционную партизанскую войну, в течение длительного времени контролируют определенную территорию и хотя бы частично отражают интересы местного крестьянства (например, ФАРК). Модернизация таких движений, в том числе распространение сферы их активности на городскую среду, служит дополнительным стимулом к расширению их участия в контроле над наркопроизводством и местной наркоторговлей. Однако оно, как правило, не распространялось на наркотрафик, особенно международный, который продолжал осуществляться силами профессиональных преступных сообществ. Участие в наркотрафике в большей степени характерно для воору-

женных организаций другого типа — например, для трансграничных племенных объединений, в том числе базирующихся в наркопроизводящих странах, а также для организаций, действующих на территории преимущественно транзитных стран (ИДУ, РПК и т. д.).

Именно в области финансирования наблюдается наибольшее сходство между группировками, участвующими в вооруженных конфликтах и использующими наркобизнес в качестве одного из источников дохода, и чисто криминальными структурами. Главное сходство состоит в методах добывания средств. Военно-политические группировки повстанческого и иного типа в той или иной, часто значительной, мере обеспечивают свое финансирование способами, сходными с теми, которые применяются преступными организациями. Эти методы носят либо грабительский (нападения на банки, захват заложников за выкуп и т. п.), либо паразитический характер (например, вымогательство в отношении бизнеса и сбор повстанцами «революционных налогов» в контролируемых ими зонах, сходные с рэкетом со стороны преступных группировок).

Помимо методов аккумуляции финансовых средств, между военно-политическими, в том числе повстанческо-террористическими, группировками и преступными сообществами существуют и структурные параллели. И те и другие являются негосударственными игроками, более гибкими в структурно-организационном отношении, чем государство. И те и другие все чаще формируют горизонтальные, неиерархические организационные модели или структуры смешанного типа (сочетающие сетевые конструкции с элементами иерархии). Если, например, в 1970-е гг. классическая левоповстанческая группировка, особенно марксистского типа, носила относительно централизованный и структурированный характер, то для конца XX — начала XXI в. более типичны группировки менее централизованного, более фрагментарного, гибкого и мобильного типа, строящиеся по принципу горизонтальной сети. Классическими примерами организаций, строящихся по сетевому принципу, могут служить палестинские «Бригады мучеников Аль-Аксы» на локальном уровне и Аль-Каида на глобальном уровне.

Несмотря на определенные финансово-экономические и структурные параллели, между группировками двух типов существуют и базовые различия. Преступные наркообъединения и, например, группировки вооруженной оппозиции, использующие доходы от контроля над наркопроизводством в своих целях, — это далеко не одно и то же, даже в чисто финансовом отношении. Хотя у организаций двух типов много общего в том, как они добывают средства, т. е. в структуре их доходов, между ними существуют различия в том, как и на что они тратят эти средства — в структуре расходов. Эти различия определяются различной природой этих организаций, основ-

ным смыслом их существования (*raison d'être*) и их доминирующей мотивацией. В отличие от криминальных структур, для группировок, вовлеченных в военно-политические конфликты, аккумуляция финансовых средств незаконным путем является не главной и единственной самоцелью, а необходимым, но далеко не достаточным инструментом для продвижения иных — социально-политических, этнополитических, религиозно-идеологических и других интересов (или, в крайнем случае, побочной целью). Соответственно, большая часть полученных средств идет на нужды вооруженного противостояния, поддержание военного потенциала, ведения пропагандистской деятельности и т. п., а также на административно-социальные нужды поддерживающего ту или иную группировку населения и контролируемых ею районов. Если организованная преступность на высшей стадии своего развития пытается проникнуть в легальную экономику и вступает во взаимодействие с коррумпированными элементами государственной власти вплоть до формирования своеобразного симбиоза с ними, то для вооруженной оппозиции в условиях конфликта такой вариант практически исключен. Напротив, повстанческое движение на более высоких стадиях своего развития, как правило, стремится создать — по мере возможности — собственную, параллельную квазигосударственную систему в подконтрольных районах и собственную, параллельную экономику.

Таким образом, сходство между военно-политическими группировками, ведущими вооруженную борьбу в ходе локальных и локально-региональных конфликтов, и преступными организациями сводится к использованию первыми методов сбора средств, близких или идентичных криминальным, и к определенным структурным параллелям. Соответственно, для группировок первого типа взаимосвязь с преступным миром ограничивается источниками их финансирования и носит сугубо прагматический, «оппортунистический» характер.

В определенных условиях нельзя, впрочем, исключать возможности постепенной криминализации военно-политических группировок, участвующих в локальных конфликтах. По мере того как вооруженное противостояние приобретает все более затяжной характер, а его интенсивность и вероятность реализации политических целей тех или иных участников конфликта снижается, возможность их постепенной политико-идеологической деградации и криминализации, напротив, возрастает. При этом вероятность того, что криминализация негосударственных участников вооруженных конфликтов достигнет критической точки, наиболее высока в двух случаях. С одной стороны, в случае военного разгрома вооруженной оппозиции ее остатки часто бывают вынуждены переключиться на криминальную деятельность. С другой стороны, в случае успеха мирного процесса, когда более

умеренные (как правило, основные) оппозиционные силы включаются в политический процесс, постепенно демилитаризируются и интегрируются в мирную жизнь, более радикальные — как правило, более мелкие или отколовшиеся группировки, оставшиеся или выведшие себя за рамки мирного процесса, становятся все более изолированными, практически теряют какую-либо общественную поддержку и «с головой» погружаются в теневую экономическую деятельность, зачастую рассматривая ее как единственный способ выжить².

В остальных же случаях базовые различия в мотивации, уровне политизации и отношении к государству между участниками социально-политических, этнополитических и других вооруженных конфликтов и чисто преступными организациями сохраняются. Если цели группировок первого типа в конфликте не сводятся к чисто экономическим и сохраняют политическую, религиозно-идеологическую или иную внеэкономическую составляющую, то наркобизнес, как и любой другой теневой бизнес, в принципе аполитичен. Об этом, в частности, свидетельствует стремление наркогруппировок к сотрудничеству с коррумпированными элементами внутри самой государственной власти, включая силовые структуры, в не меньшей степени, чем с вооруженными оппозиционными группировками. В этом смысле не вызывает удивления и то, что военизированные группировки правозэкстремистского, лоялистского или проправительственного толка могут быть причастны к наркобизнесу в не меньшей, если не в большей степени, чем антиправительственные организации, и, как правило, участвуют в более прибыльных видах наркобизнеса, чем повстанцы, в том числе в международном наркотрафике.

Аполитичность наркобизнеса подчеркивает его криминально-экономическую природу, которая проявляется и в мирное время, и в условиях вооруженного конфликта. Наркобизнес, как и теневая экономика в целом, никогда полностью не подчинен нуждам вооруженного противостояния. Являясь одним из практически неисчерпаемых ресурсов конфликта и способствуя его затягиванию, наркобизнес в то же время сохраняет и свою, самостоятельную логику и динамику развития. Таким образом, роль наркобизнеса на стадии вооруженного конфликта не сводится к финансированию «экономики войны», т. е. нужд вооруженного противостояния. Наркобизнес многофункционален и, помимо финансирования военных действий и ведущих их группировок, не только сохраняет свою традиционную теневую экономиче-

---

² Классическим примером такой идеологической деградации и криминализации могут служить радикальные североирландские группировки, отколовшиеся от Ирландской республиканской армии после ее интеграции в процесс политического урегулирования.

скую функцию (получение максимальной прибыли незаконным путем), но и играет важную роль стратегии социально-экономического выживания для целых слоев населения.

Именно эта многофункциональность наркобизнеса ограничивает прямое влияние на его развитие вооруженного противостояния и частично объясняет неоднозначный характер этого влияния. В определенных условиях конфликт может служить мощным стимулом к развитию наркобизнеса (как, например, в Афганистане в годы противостояния режиму НДПА и советским войскам со стороны вооруженной исламской оппозиции, активно поощрявшегося извне). Однако в том же Афганистане известны случаи, когда в ходе вооруженного противостояния дестабилизация достигала такого уровня, что отсутствие элементарных условий безопасности в обстановке полного хаоса создавало препятствия даже для наркоторговли, а инфраструктура была разрушена настолько, что делала невозможным для крестьян даже выращивание наркокультур. Более того, как раз наведение талибами элементарного порядка и обеспечение минимума стабильности на контролируемой ими территории первоначально способствовало дальнейшему росту наркобизнеса. После эффективного запрета талибов на выращивание мака, рост наркобизнеса возобновился и на так называемой постконфликтной стадии, т. е. на этапе снижения интенсивности вооруженного насилия в Афганистане после свержения режима талибов до уровня традиционной для этой страны кланово-племенной усобицы.

В целом, как показывает пример Афганистана, Мьянмы и ряда других стран, постконфликтная ситуация — особенно на этапе, следующем непосредственно за заключением мирных соглашений, — зачастую более благоприятна для производства наркотиков, чем даже условия вооруженного конфликта. Учитывая упомянутую многофункциональность наркобизнеса, это неудивительно. С прекращением военных действий — например, в результате разгрома или значительного военного ущерба, нанесенного одной из сторон конфликта, — роль наркобизнеса как источника финансирования вооруженного противостояния постепенно снижается. Однако другие его функции, как правило, сохраняются и даже набирают силу, продолжая стимулировать развитие производства и незаконного оборота наркотиков. Это особенно вероятно в том случае, если процесс урегулирования конфликта, будь то силовым или мирным путем, проходит в тяжелых социально-экономических условиях и не сопровождается комплексными мерами по социально-экономическому развитию наиболее «проблемных» регионов.

Другой иллюстрацией неравномерного и неоднозначного влияния вооруженного противостояния на развитие производства и торговли наркотиками служит разная динамика наркопроизводства во всех трех рассмотренных

нами регионах. Несмотря на то, что в центре каждого из этих регионов был вооруженный конфликт, в конце XX — начале XXI в. наркопроизводство в Афганистане возрастало, в Колумбии постепенно стабилизировалось и в начале XXI в. начало снижаться, а в Мьянме — неуклонно падало. Понятно, что наркобизнес и конфликт — это не просто два взаимосвязанных фактора в автономной саморегулирующейся системе. Их соотношение является частью более сложного взаимодействия и дает тот или иной эффект лишь при наличии и взаимосвязи с другими дополнительными или промежуточными «переменными». Наиболее важными из них остаются два фактора.

Во-первых, это экономическая природа наркобизнеса, развитие которого при любых условиях регулируется и чисто экономическими факторами, в том числе влиянием мировой рыночной конъюнктуры и общих тенденций в развитии производства и незаконного оборота наркотиков. Это влияние не может не отражаться и на взаимосвязи наркобизнеса с вооруженными конфликтами. В частности, развитие такой тенденции в развитии мирового наркобизнеса в конце XX — начале XXI в., как резкий рост производства синтетических наркотиков на фоне общей стабилизации производства наркотиков на основе натуральных наркокультур — в конечном счете должно отразиться и на динамике наркопроизводства, делая его менее жестко привязанным к определенным географическим районам. В свою очередь, эта тенденция в перспективе может привести к ослаблению взаимосвязи наркобизнеса и конфликтов в «традиционных» наркопроизводящих регионах.

Во-вторых, не менее, если не более важное влияние, чем вооруженный конфликт, на развитие наркобизнеса в наркопроизводящих и транзитных странах оказывает «фактор государственной власти». При этом центральное значение приобретает не столько характер или тип государственного устройства, и тем более не масштабы и уровень внешней помощи по борьбе с наркотиками, сколько общая функциональность государственной власти, ее способность твердо претворять в жизнь свои решения и осуществлять жесткий контроль над собственной территорией.

Как показывает проведенный нами анализ, на рубеже веков наибольших успехов в борьбе с наркотиками в районах расширенного наркопроизводства достигли авторитарные режимы — талибы в Афганистане и военная хунта в Мьянме³. В то же время слабость государственной власти в демократической Колумбии, даже несмотря на значительную иностранную помощь по борьбе с наркотиками, оставалась одним из главных препятствий в реше-

---

³ Эта закономерность подтверждается и историческим опытом: например, в Китае лишь жесткому коммунистическому режиму удалось добиться искоренения производства и незаконной торговли опиумом в послевоенный период.

нии как проблемы наркотиков, так и социально-политического конфликта в этой стране. В том же Афганистане, пришедшая на смену талибам прозападная и внешне более либеральная, но несравнимо более слабая администрация Х. Карзая, не контролирующая большую часть территории страны, даже в случае резкого увеличения зарубежной помощи на цели борьбы с наркотиками, не способна не только искоренить, но даже существенно ограничить их производство и незаконный оборот.

Из этого отнюдь не следует, что лишь жесткий авторитарный режим может успешно бороться с наркотиками, особенно в конфликтных или постконфликтных условиях. Однако тем, кто делает ставку на полное искоренение наркопроизводства в той или иной конфликтной зоне, невзирая на его глубинные социально-экономические причины и многофункциональный характер, придется примириться с тем, что, как показывает практика, такая задача в принципе по силам лишь крайне жесткому авторитарному режиму — в независимости от того, использует ли он более жесткие методы (как, например, талибы в ходе контроля над соблюдением запрета на культивирование мака) или, на первых порах, более мягкие меры (как военная хунта на начальной стадии мирного процесса в Мьянме). Если же борьба с наркотиками ведется в других условиях и государствами и международными игроками иного типа, ставящими перед собой и другие, не менее приоритетные задачи (урегулирование вооруженного конфликта, преодоление социально-экономического кризиса, политическая и экономическая модернизация и развитие), то в таком случае добиться радикального прогресса в решении этой острейшей проблемы, а тем более ее «окончательного» искоренения, за сравнительно короткий срок вряд ли удастся. В этих условиях следует быть готовыми к поиску более долгосрочных и комплексных путей ее решения.

То же самое относится и к борьбе с производством и незаконным оборотом наркотиков в ходе продолжающегося вооруженного конфликта или начавшегося процесса мирного урегулирования. Полное слияние антинаркотической стратегии с антипартизанской в ходе внутреннего вооруженного конфликта, так же как и полная подмена одной из них другой, не только не исчерпывает существа проблемы (наркобизнесом в условиях конфликта, как правило, занимаются не только его непосредственные участники, но и профессиональные преступные сообщества), но и может быть контрпродуктивным. Антипартизанская стратегия так же мало эффективна в борьбе с профессиональными наркосообществами, как и военизированная антинаркотическая стратегия — в борьбе с повстанческими организациями, с учетом их социально-политического характера и целей. Попытка слить воедино антинаркотическую и антипартизанскую стратегии абсолютизирует

взаимосвязь между оппозиционными вооруженными группировками и наркобизнесом, но не учитывает базовых различий в природе наркобизнеса как отрасли теневой экономики и социально-политической оппозиции в лице повстанческих организаций. Более того, ужесточение борьбы с наркотиками на этапе ведения мирных переговоров с повстанцами, базирующимися в основных районах наркопроизводства и пользующимися поддержкой крестьян, выращивающих наркокультуры, может отрицательно сказаться на перспективах мирного урегулирования (как это не раз бывало в Колумбии).

Это не значит, что проблема производства и незаконного оборота наркотиков должна быть исключена из повестки дня мирного процесса. Как раз наоборот, только комплексное решение этих задач приведет к успеху. Однако комплексное решение проблемы наркотиков и мирного урегулирования не означает их одновременного решения. На практике еще ни в одной конфликтной зоне в районе наркопроизводства в ходе мирного процесса не удавалось «убить двух зайцев сразу», т. е. одновременно добиться устойчивого мира с вооруженной оппозицией и резкого снижения производства наркотиков, особенно если их производство служит важным источником финансирования основных оппозиционных группировок и стратегией выживания поддерживающего их населения. Как показывает практика, эти две взаимосвязанные проблемы можно решить только последовательно, одну за другой, пусть даже на первом этапе придется смириться с тем, что решение одной проблемы в какой-то мере осуществляется за счет другой. При этом приоритетной из двух задач всегда должно быть мирное урегулирование конфликта как условие восстановления всей полноты функций государственной власти, в том числе ее контроля за территорией собственной страны. Именно укрепление государства в конечном счете является прямым путем к повышению эффективности борьбы с наркотиками.

Примером такого решения проблемы наркотиков и внутреннего конфликта может служить политика руководства Мьянмы, где наблюдалась наиболее тесная взаимосвязь этноповстанческих движений с наркопроизводством и наркоторговлей. Военная хунта вела вооруженную борьбу с оппозиционными этническими группировками, финансировавшихся за счет наркобизнеса, и одновременно находилась в условиях международной полуизоляции, а соответственно, не получала практически никакой помощи на борьбу с наркотиками и не была связана внешними обязательствами в этой области. В этих условиях хунта в буквальном смысле была вынуждена — и одновременно могла себе позволить — пойти на достижение, на первом этапе, «мира ценой наркотиков». Янгонский режим обязал многочисленные этноповстанческие группировки прекратить вооруженные действия против центрального правительства и признать его верховную власть

в обмен на обязательство временно не вмешиваться в их экономическую, в том числе теневую деятельность, включая участие в производстве и незаконном обороте наркотиков. В условиях острой нехватки государственных средств на социально-экономическое развитие районов, контролируемых повстанцами, временное сохранение за ними права на ведение теневой экономической деятельности и поощрение вложения наркодоходов в легальный бизнес и в развитие этих регионов позволило, по крайней мере, на первом этапе мирного процесса изыскать дополнительные средства на финансово-экономическую поддержку наркопроизводящих районов на переходный период. В дальнейшем — по мере решения этой задачи и постепенного восстановления государственного контроля над территорией страны — власти Мьянмы ужесточили меры по борьбе с наркотиками, обязав бывшие повстанческие группировки отказаться от возделывания наркокультур и усилив административно-силовое давление на них. В итоге, в сочетании с некоторыми изменениями региональной рыночной конъюнктуры (например, с ростом производства и изменением структуры спроса в пользу синтетических наркотиков), политика правящей военной хунты сыграла свою роль в устойчивом падении производства опиатов в Мьянме в конце XX — начале XXI в.

***

Проблема финансовой автономности и самодостаточности негосударственных вооруженных игроков приобрела особую остроту, причем не только в локально-региональном, но и в глобальном масштабе. Однако переход таких «внесистемных» и «антисистемных» элементов на финансовое самообеспечение, в том числе за счет более активного участия в теневой экономической деятельности, включая наркобизнес, автоматически не ведет, как можно было бы ожидать, к их полной криминализации, деполитизации и деидеологизации. Образовавшийся после ослабления противостояния по линии Восток—Запад и краха большинства коммунистических режимов идеологический вакуум быстро заполнился более радикальным «содержанием» — радикальным национализмом и религиозным экстремизмом (а иногда — их комбинацией). Сочетание экстремистской идеологии с открывшимися возможностями для финансирования и даже финансовой самостоятельности негосударственных и внесистемных сил и организаций, которые только расширились в условиях растущей глобализации, стало предметом острого беспокойства для «системных» игроков — ведущих мировых держав и международных организаций.

Однако проблема финансирования этих группировок не ограничивается наркобизнесом, как и теневым бизнесом в целом. Не менее важную роль

в финансировании целого ряда вооруженных группировок, действующих как на локальном, так и на глобальном уровне, особенно группировок исламистского толка, играют легальные источники дохода, прежде всего пожертвования и поступления от регулярно собираемых исламских налогов. В этих условиях было бы неверно и даже опасно сводить проблему финансирования негосударственных вооруженных сил и формирований лишь к теневой экономической деятельности и наркобизнесу как одной из ее наиболее прибыльных отраслей, и во всем уподоблять их чисто криминальным организациям. Это особенно актуально в борьбе с группировками, ведущими борьбу с использованием террористических методов, в том числе на глобальном уровне. Террористическая деятельность, независимо от того, на каком уровне она осуществляется и какую форму принимает, гораздо опаснее экономической преступности. Попытки приравнять терроризм к банальному криминалу могут привести к недооценке угрозы асимметричного политически мотивированного насилия против мирных граждан, борьба с которым не должна сводиться к перекрытию каналов финансирования и поставок оружия группировкам, использующим террористические методы. Эта борьба не увенчается успехом до тех пор, пока не будут подорваны структурные возможности, а главное, экстремистская идеология организаций, ведущих террористическую деятельность.